

Глава 4

Видя, что тот не двигается, Му Ань подтолкнул его руку ко рту.

Мо Шиянь не любил приторно-сладкого, но всё же съел ягоду, от сладости которой, казалось, сводило зубы, словно он проглотил ложку чистого мёда.

Косточку он выплюнул, и Му Ань аккуратно отложил её в сторону к остальным.

Мо Шиянь поднялся и велел тётё Чжун впредь следить за количеством съеденного, ведь дети так жадны до лакомств и не знают меры. Если бы он не вмешался, Му Ань, вероятно, умял бы всю тарелку личи.

Тётя Чжун взглянула на кофейный столик и поспешно согласилась:

— Ах, это я недоглядела. Я подумала, раз молодой господин так плотно поел за столом, то много уже не съест, вот и оставила его без присмотра. Сейчас же всё уберу.

— Угу, — кивнул Мо Шиянь, лично проследив, как она уносит вазу с фруктами.

«Став братом, он стал таким внимательным», — подумала тётя Чжун, убирая тарелку.

Закончив, она взяла влажную салфетку, чтобы вытереть Му Аню рот. Мальчик, не отрывая взгляда от экрана, послушно подставил лицо, а затем протянул обе ладони, чтобы тётя Чжун протёрла и их. Он был чистоплотным ребёнком, и липкие пальцы доставляли ему дискомфорт.

Мо Шиянь постоял немного за диваном и, убедившись, что Му Ань больше не плачет и не капризничает, вернулся в кабинет.

День пролетел для Му Аня в беззаботном блаженстве. Если бы не проливной дождь, за стеной которого не было видно даже пейзажа за окном, он бы с радостью побежал на улицу шлёпать по лужам.

Впрочем, и дома было неплохо. Огромный, во всю стену, телевизор с яркими, сочными красками и диван, мягкий, как сахарная вата, в который можно было зарыться и смотреть мультфильмы хоть целый день, не опасаясь завистливых взглядов других детей.

Дядя Хань и тётя Чжун то и дело подходили к нему: проверить, не слишком ли холодно от кондиционера, не замёрзли ли у него руки, спросить, не хочет ли он пить или есть...

Му Ань каждый раз отрицательно качал головой. Ему не было ни холодно, ни голодно, и пить он тоже не хотел. Ему хотелось только смотреть телевизор. В конце концов он усадил дядю Ханя и тётю Чжун по обе стороны от себя, взял их за руки и заставил смотреть мультфильмы вместе с ним.

В обед за столом Му Ань сидел один. Он хотел дождаться Мо Шияня, чтобы поесть вместе, и болтая ногами, упрямо не прикасался к палочкам. Тётя Чжун, поняв его намерения, объяснила, что Мо Шиянь ещё занят, и попросила не ждать его.

Му Аню пришлось послушно кивнуть. Он попросил тётю Чжун положить ему совсем немного еды и, понуриив голову, съел всё дочи́ста. На обед было несколько блюд, которые он не любил, и его старая привычка привередничать в еде снова дала о себе знать. Но Мо Шияня не было

рядом, так что он капризничал совершенно открыто. Покончив с едой, он вернулся на диван.

Мо Шиянь был занят до самого вечера. Нужно было закончить кое-какие учебные дела: он только что вернулся из Европы, где участвовал в соревнованиях, и едва успевал сдать всё в срок. Кроме того, требовалось обсудить с товарищами по группе дела в лаборатории.

Выйдя из кабинета, он увидел три головы, аккуратно расположившиеся в ряд на спинке дивана. Та, что была посередине, — маленькая и низенькая, виднелась лишь макушка, — весело покачивалась из стороны в сторону. Дядя Хань и тётя Чжун сидели по бокам, обсуждая что-то непонятное для него.

— Наверное, будет омегой. Я видел, что омеги с самого детства такие же беленькие и нежные, как наш молодой господин.

— Необязательно. Старший господин в детстве тоже был светлокожим, но ведь не стал омегой.

— Разве можно их сравнивать? Наш молодой господин такой хорошенький. Говорят, что в три года уже видно, каким человек вырастет, а ему уже шесть. Посмотрите на эти большие глазки, маленький носик, губки... Просто куколка! Сразу видно, что в роду альф не было.

— А я, кажется, помню, как Чжао Чжоу говорил, что его родители оба были альфами...

Разговор был прерван раздавшимся за их спинами голосом:

— Как долго смотрите?

Дядя Хань и тётя Чжун вздрогнули от неожиданности и тут же виновато вскочили на ноги. От Мо Шияня исходила властная аура, как от главы семейства. Он подошёл и взглянул на Му Аня, и тот, почувствовав вину, соскользнул с дивана.

Сегодня он насмотрелся вдоволь. Телевизор не выключался с самого утра, и он, за исключением походов в туалет и на кухню, почти не покидал своего «сахарного» дивана. Теперь он понимал, что переборщил. Он робко взял пульт и протянул его Мо Шияню.

Тот просто выключил телевизор.

— Наверх, спать.

— Уже поздно, молодому господину пора в постель, — подхватила тётя Чжун. — Детям нельзя засиживаться допоздна, а то не вырастут. Идём-идём в комнату.

Му Ань не стал спорить и покорно пошёл за ней наверх.

Тётя Чжун проводила его в его комнату на втором этаже и стала ждать у двери, пока он умоется, чтобы уложить его в постель. Но Му Ань, покачав головой, взял её за руку и вывел из комнаты. Его коротенькие ножки зашагали по лестнице на третий этаж, к хозяйской спальне.

— Ты и сегодня будешь спать здесь? — с удивлением спросила тётя Чжун.

Му Ань решительно кивнул.

— Ты договорился с братом?

Он задумался и снова кивнул.

Снаружи снова усилился дождь, и до него донеслись раскаты грома. Что, если ему опять приснится кошмар? Что, если он... опять обмочится во сне?

Такого позора достаточно и одного раза.

С братом спать хорошо. Ни кошмаров, ни страха.

Тётя Чжун подумала, что в некоторых семьях дети долго спят с родителями, а Му Ань такой послушный, что старший господин наверняка не станет его прогонять. Она открыла дверь и позволила мальчику лечь в постель.

Игрушечный динозаврик по-прежнему аккуратно сидел в изголовье кровати Мо Шияня. Му Ань, забравшись под одеяло, взял одну из его подушек, укрылся краешком одеяла по самый живот, оставив брату достаточно места, и, обняв игрушку, спокойно закрыл глаза.

Войдя в комнату, Мо Шиянь сразу почувствовал что-то неладное. И действительно, его кровать была оккупирована маленьким сорванцом.

Уже заснувший Му Ань завернулся в одеяло и лежал в самом центре огромной кровати. Крошечное тельце умудрилось занять чуть ли не всё пространство, и даже его динозаврик лежал на отдельной подушке.

Мо Шиянь присел на край кровати и некоторое время смотрел на него. Мальчишка оказался на удивление прилипчивым: поспав здесь одну ночь, он, похоже, решил остаться насовсем. За окном грохотал гром, а он спал так сладко.

Отодвинув динозаврика в сторону, Мо Шиянь собрался лечь, но Му Ань тут же проснулся. Его подёрнутые сонной дымкой глаза медленно открылись, он растерянно моргнул, ещё не до конца понимая, что происходит. Заметив, что кто-то забрал его игрушку, он сморщил нос и уже готов был разрыдаться.

Мо Шияню ничего не оставалось, как снова встать и положить динозаврика на свою подушку, рядом с Му Анем.

Дождь за окном немного утих. Му Ань шмыгнул носом, и его тяжёлые веки снова сомкнулись.

В итоге Мо Шиянь провёл ночь без подушки, а наутро спустился вниз, потирая затекшую шею. Тёте Чжун пришлось приложить ему горячий компресс, чтобы хоть как-то облегчить боль.

Му Ань же, напротив, выспался превосходно. Сегодня на нём был новый наряд: жёлтый комбинезон, полосатые жёлто-белые носки и белые кожаные туфельки. Он был похож на маленькое пирожное с заварным кремом.

Дождь утих, и синоптики объявили, что тайфун сместился на север вдоль побережья, отменив штормовое предупреждение для всего Ганши.

Му Ань стоял в прихожей и смотрел на улицу с явным желанием побегать по лужам. Но, опустив взгляд на свои новые туфли, он с сожалением отказался от этой затеи.

Дяди Ханя и тёти Чжун нигде не было, а брат, ответив на какой-то звонок, куда-то ушёл.

Му Ань остался один и молча смотрел на дождь.

Прошло довольно много времени, прежде чем дверь кабинета открылась. Внезапно за спиной раздался взволнованный голос тёти Чжун:

— Анянь, молодой господин!

Му Ань обернулся. Тётя Чжун подбежала и обняла его. Её глаза покраснели, а губы дрожали. Она несколько раз провела рукой по его волосам, словно хотела что-то сказать, но слова застревали у неё в горле.

Му Ань растерянно смотрел на неё, не понимая, что происходит. В этот момент к нему подошёл Мо Шиянь. Его обычно острые, пронзительные глаза тоже покраснели и были испещрены алыми прожилками сдерживаемой боли. Он ничего не сказал, лишь взял его за руку и, пошатнувшись на мгновение, но тут же обретя твёрдость в шаге, открыл дверь и вышел на улицу.

— Старший господин, куда вы ведёте молодого господина? — тётя Чжун выбежала следом. — В Америке случилось такое... Господин... Но молодой господин ещё так мал, он ведь ничего не понимает...

Мо Шиянь уже раскрыл чёрный зонт, укрывая их от морозящего дождя.

Му Ань, ничего не понимая, поднял голову, пытаясь разглядеть лицо брата.

— Мне нужно срочно в Америку, — голос Мо Шияня был спокоен, но в нём слышался холодный стук дождевых капель. Он опустил голову, позволяя Му Аню увидеть его лицо. — Сначала нужно его пристроить.

Он не знал, какие опасности ждут его впереди, и не собирался брать Му Аня с собой. Дед, забирая его, обещал отцу Му Аня позаботиться о нём. Как он мог подвергнуть такого маленького ребёнка риску?

Чжао Чжоу отвёз их через мост, соединяющий остров с материком. Всю дорогу Мо Шиянь непрерывно говорил по телефону, а Му Ань тихо сидел рядом, обнимая своего динозаврика.

Последний звонок был Мо Чэнсяо. Он приходился Мо Шияню дальним дядей и давно отделился от основной ветви семьи. Сейчас у него был свой небольшой бизнес, почти не связанный с корпорацией Мо. Мо Шиянь поддерживал с ним связь, потому что в детстве его родители дружили с Мо Чэнсяо и его женой Лань Юэ.

Можно было бы, конечно, на несколько дней снова отдать Му Аня в приют — директор Ли не отказал бы. Но, только забрав его оттуда, Мо Шиянь не хотел возвращать его обратно. К тому же, директор Ли был обязан деду, а не ему. В нынешней ситуации нельзя было исключать непредвиденных обстоятельств.

Больше рисковать было нельзя.

Машина остановилась в элитном коттеджном посёлке. Дела у Мо Чэнсяо в последние годы шли хорошо, и он сразу же согласился на просьбу Мо Шияня. Позаботиться о ребёнке — не такая уж большая проблема, тем более что в доме есть прислуга.

Мо Шиянь ввёл Му Аня в дом. В глубине души мальчик чувствовал неприятие. Он прожил в замке на острове всего две ночи, но уже успел счесть его своим домом.

Если у него уже есть дом, зачем идти в чужой?

Он нервничал, крепко сжимая руку Мо Шияня и робко выглядывая из-за его ноги, чтобы рассмотреть незнакомую семью.

У Мо Чэнсяо тоже был сын, Мо Сюаньчжу, примерно того же возраста, что и Му Ань. Он тоже стеснительно прятался за родителями, украдкой поглядывая на гостя.

— Сюаньсюань, к нам пришли друзья, ты не рад? — Лань Юэ подтолкнула сына вперёд. — Это Анянь, теперь он будет твоим младшим братом. Ты, как старший, должен о нём заботиться. Проводи его наверх, поиграйте.

Мо Сюаньчжу, набравшись смелости, нерешительно подошёл к Му Аню. Мальчик был таким красивым, с большими светло-кариими глазами, которые то и дело моргали, — красивее всех его кукол. Мо Сюаньчжу покраснел и протянул ему руку.

— Анянь, пойдём наверх, я дам тебе поиграть в свои игрушки. У меня их очень-очень много, целая комната, я тебе все дам.

Му Ань ещё плотнее прижался к Мо Шияню и, решительно обхватив его ногу рукой, покачал головой, отказываясь идти.

— Папа, мама, он не хочет со мной играть, — Мо Сюаньчжу надул губы и уже готов был расплакаться.

Мо Шиянь присел на корточки, чтобы оказаться на одном уровне с Му Анем, и, заглянув ему в глаза, спросил:

— Анянь, поживёшь здесь несколько дней с братом Сюаньсюанем? Вы сможете играть вместе каждый день. Мне нужно уехать ненадолго, но как только я всё улажу, я сразу же за тобой приеду, хорошо?

Му Ань, до этого лишь нервничавший, услышав, что Мо Шиянь уезжает, моргнул, и из его ясных глаз тут же покатались слёзы, словно жемчужины с оборванной нити.

Он плакал беззвучно, лишь его глаза и нос покраснели, а слёзы капали на лямки комбинезона, оставляя мокрые пятна. Он крепко вцепился в одежду Мо Шияня и ни за что не хотел отпускать.

Мо Шиянь, не зная, что делать, отвёл его в сторону и принялся тихо уговаривать и успокаивать. Между ними словно возникло какое-то невидимое поле, и стоявшая рядом семья из трёх человек не решалась вмешаться.

— Ну же, Анянь, не плачь, а то глазки будут болеть.

— Это всего на несколько дней. Я очень скоро за тобой вернусь, хорошо?

— Я куплю тебе много-много личи, сможешь есть, сколько захочешь, договорились?

Услышав это, Му Ань заметно оживился, его глаза блеснули, и слёзы прекратились.

— И сможешь смотреть телевизор целый день, я не буду ругаться, — мягко добавил Мо Шиянь.

На этот раз Му Ань окончательно перестал плакать. Он усердно вытер слёзы рукавом и, заключив с Мо Шиянем «мизинчиковый» договор, всхлипывая, вернулся к остальным.

Мо Сюаньчжу снова робко протянул руку. Му Ань взглянул на Мо Шияня и медленно вложил свою ладошку в его.

Мо Сюаньчжу от радости чуть ли не подпрыгнул до потолка и, схватив Му Аня за руку, потащил его наверх, на ходу расхваливая свои бесчисленные игрушки.

Мо Шиянь смотрел, как их фигурки исчезают на лестнице, и, казалось, с облегчением выдохнул.

— Шиянь, прими наши соболезнования, — Лань Юэ с сочувствием посмотрела на него. Он ведь и сам ещё почти ребёнок, а на его плечи легла такая ноша.

— Дед был уже в преклонном возрасте, можно сказать, умер своей смертью, — сказал Мо Чэнсяо. — Но, скажу тебе как есть, хоть это и прозвучит жестоко, сейчас не время для скорби. Впереди много дел, особенно с этими твоими родственничками. Вторая и третья ветви семьи не успокоятся, да и остальные не лучше. Тебе нужно беречь силы.

Мо Шиянь молча кивнул.

— Не беспокойся об Аняне, — утешила его Лань Юэ. — Он может оставаться у нас сколько угодно. Мы с дядей о нём позаботимся, и Сюаньсюань будет с ним играть, так что он не будет скучать. А ты береги себя, помни, что здоровье — самое главное.

Перед уходом Мо Шиянь поднялся наверх. Му Ань и Мо Сюаньчжу сидели в игровой и увлечённо катали машинки, соревнуясь, чья быстрее. Дети одного возраста быстро находят общий язык. Видя, что Му Ань весело играет, он немного успокоился.

— Стоит ли зайти попрощаться? — тихо спросила Лань Юэ.

— Не нужно, не будем их отвлекать, — Мо Шиянь осторожно прикрыл дверь.

Му Ань не заметил, как ушёл брат. Они долго играли с Мо Сюаньчжу, пока он не устал. Мо Сюаньчжу же, неугомонный, как обезьянка, продолжал носиться по комнате, то загоняя машинку на стол, то катая её по стене, и всё время звал Му Аня с собой.

Му Ань сидел на полу. Его светлое личико покраснелось от жары, и он обмахивался рукой. Стало душно. Он вышел из комнаты, чтобы немного остыть, и увидел, что внизу никого нет.

И брата тоже нет.

Сердце его ёкнуло. Он, топоча босыми ногами по полу, сбежал вниз и обежал всю гостиную, но брата нигде не было.

Мо Сюаньчжу выбежал следом. Увидев, что Му Ань бежит по дому в одних носках, он тоже принялся бегать за ним.

— Анянь, ты что-то ищешь? — кричал он.

Му Ань, охваченный тревогой, не отвечал.

Мо Сюаньчжу, немного пухленький, быстро запыхался и, забравшись на стул, закричал:

— Анянь! Почему ты меня не слушаешь? Я тебя уже столько раз позвал!

Му Ань забежал на кухню.

— Анянь! — голос Мо Сюаньчжу стал ещё громче.

Му Ань выбежал из кухни.

— Анянь! — Мо Сюаньчжу кричал так, что его лицо побагровело. — Почему ты молчишь? Ты что, не умеешь говорить? Ты немой?

В этот момент с лестницы спустились Мо Чэнсяо и Лань Юэ, услышав лишь последнюю фразу сына. Они переглянулись, и их лица потемнели от гнева.

— Мо Сюаньчжу! Тебе жить надоело? — Лань Юэ, засучив рукава, стащила толстячка со стула.
— Кто тебя учил так разговаривать с братом? Немедленно извинись и попроси прощения.

— Не буду! — завопил Мо Сюаньчжу. — Почему я должен извиняться? Он похож на куклу, но не говорит, значит, он немой!

Мо Чэнсяо поспешил закрыть уши Му Аню.

— Не слушай этого негодника, Анянь. Он ещё маленький, ничего не понимает. Смотри, как мама его сейчас накажет.

Лань Юэ, разгневавшись, шлёпнула Мо Сюаньчжу по попе.

— Как мы с папой тебя учили? Быть таким невежливым? Он не разговаривает с тобой, потому что ты слишком надоедливый! И запомни, Анянь теперь будет жить с нами. Если ты ещё раз его обидишь, я сдери с тебя шкуру и сделаю из неё холодец!

— Я не свинья, из меня не получится холодец! — зарыдал Мо Сюаньчжу.

— А вот и получится! — Лань Юэ шлёпнула его ещё раз. — Ты и есть свинья, просто мы с папой тебе не говорили. А то почему, ты думаешь, мы назвали тебя Сюаньчжу*? Потому что ты поросёнок!

{Примечание: Имя Сюаньчжу (竇竇) созвучно со словом «свинья» (猪, zhū).}

Услышав это, Мо Сюаньчжу замер. Мир для него рухнул.

Му Ань нашёл эту сцену такой забавной, что забыл о поисках брата. Он тихонько хихикал в кулачок, и его глаза превратились в весёлые щёлочки.

Вечером мальчиков уложили спать в одной комнате. У Мо Сюаньчжу была двухъярусная кровать, которую он когда-то выпросил у родителей, и теперь она пришлась как нельзя кстати.

Му Ань спал наверху. Лань Юэ постелила ему свежее бельё.

Сегодня за окном не было ни дождя, ни грома. Му Ань, обняв своего динозаврика, быстро засыпал. Вдруг его руку тронула пухлая ладошка. Снизу, цепляясь за перекладину, на цыпочках стояла маленькая тёмная фигурка.

— Прости... — быстро прошептала она и, словно воришка, тут же юркнула под своё одеяло.

Му Ань услышал. Он потёрся щекой о динозаврика и мысленно ответил: «Ничего страшного», — после чего снова заснул.

Утром мальчики всё ещё чувствовали себя немного неловко. За завтраком Лань Юэ несколько раз бросала на Мо Сюаньчжу красноречивые взгляды, призывая его заговорить с братом. Но тот, стесняясь, лишь украдкой поглядывал на Му Аня и тут же опускал глаза.

Мо Чэнсяо ушёл на работу, а Лань Юэ тоже нужно было отлучиться по делам. Уходя, она строго-настрого запретила Мо Сюаньчжу обижать брата.

Они сидели на диване и смотрели телевизор. Пульт был у Мо Сюаньчжу. Он хотел спросить у Му Аня, какие мультфильмы тот любит, но, взглянув на его миловидный профиль, не смог вымолвить ни слова и просто сунул пульт ему в руки.

Му Ань с удивлением посмотрел на него. Мо Сюаньчжу поспешно пододвинул к нему вазу с фруктами.

Это был явный жест примирения.

Му Ань заметил среди фруктов несколько ягод личи, взял одну и съел. Мо Сюаньчжу, увидев, что ему нравится, сбегал на кухню и принёс целую корзинку.

— Анянь, смотри, тут ещё есть. Это всё тебе.

Глаза Му Аня заблестели от радости. Он улыбнулся и похлопал по дивану рядом с собой, приглашая его сесть.

Мо Сюаньчжу, счастливый, присел рядом, и они, угощая друг друга, за полдня съели почти половину корзинки. Перед возвращением Лань Юэ они не забыли убрать за собой все следы.

Так продолжалось несколько дней. Когда личи закончились, оказалось, что большую часть съел Му Ань.

От такого количества съеденных личи у него, как говорят, поднялся «внутренний жар», и теперь Му Ань понял, что это значит.

Вечером, едва он лёг в постель, как почувствовал что-то тёплое в носу. Он дотронулся рукой и ощутил влагу. Подумав, что это насморк, он включил ночник, чтобы взять салфетку, и увидел, что его пальцы в крови.

Из носа продолжала капать кровь, пачкая одежду.

Му Ань замер, в ужасе глядя на свои руки. В этот момент в комнату вошёл Мо Сюаньчжу и, увидев его, в панике схватил полотенце и прижал к его носу.

— Анянь! У тебя кровь! — закричал он. — Всё, тебе конец! Ты умрёшь!

Му Ань, до этого не реагирующий, услышав, что он умирает, тут же наполнился слезами. Его

красивые глаза беспомощно заморгали.

— Я не вру, ты правда умрёшь! — Мо Сюаньчжу, который был на полгода старше и знал больше, продолжал нагнетать обстановку. — Я видел в мамином телефоне: когда у людей идёт кровь из носа, их кладут в больницу, и они скоро умирают. Ты знаешь, что такое «умереть»? Это когда тебя больше нет, и ты никогда не увидишь маму и папу.

Му Ань уже плакал.

— А у тебя так много крови, — безжалостно добавил Мо Сюаньчжу. — Ты, наверное, скоро умрёшь.

Му Ань свернул полотенце в жгутик и заткнул ноздри. Кровь остановилась. Но какой в этом смысл, если он всё равно умрёт?

— Анянь, не плачь, — Мо Сюаньчжу тоже был расстроен. — Я не хочу, чтобы ты умирал. Мы только что подружались. И если ты умрёшь здесь, твой брат даже не узнает.

Это было последней каплей. Му Ань, вспомнив, что брат обещал скоро за ним приехать, понял, что тот не успеет. Он разрыдался ещё сильнее, и его длинные ресницы слиплись от слёз.

— Ничего страшного, — спохватился Мо Сюаньчжу. — У меня есть часы с телефоном, ты можешь позвонить брату. Ты знаешь его номер?

Му Ань поспешно кивнул. Он услышал его от тёти Чжун и запомнил.

Мо Сюаньчжу принёс свои часы, и Му Ань вытер слёзы. Два маленьких мальчика, сидя на кровати, совершали свой последний звонок.

После нескольких гудков на том конце ответили. Голос звучал устало и хрипло.

— Алло.

Му Ань, до этого успокоившийся, услышав голос брата, снова не смог сдержать слёз. Он крепко сжимал часы в руках и молчал, лишь тихо всхлипывал.

Последние несколько дней были для Мо Шияня тяжёлыми. После смерти деда нужно было держать всё в строжайшей тайне, заниматься телом, организовывать тайные похороны, заверять завещание, делить наследство, вступать в права на акции — голова шла кругом. Мо Чэнсяо был прав: времени на скорбь не было. Ему не хватало опыта, и он учился на ходу, одновременно отбиваясь от нападков жадных родственников.

Но в тот же миг, как соединение установилось, Мо Шиянь понял, кто ему звонит.

— Анянь.

Му Ань замер, услышав, как голос брата стал мягче.

— Что случилось, почему ты плачешь?